
звездный тандем российского детектива

**Читайте романы мастеров закрученного сюжета
Анны и Сергея Литвиновых:**

Осколки великой мечты
Быстрая и шустрая
Даже ведьмы умеют плакать
Кот недовинченный
Красивые, дерзкие, злые
Боулинг-79
Пальмы, солнце, алый снег
Наш маленький Грааль
Внебрачная дочь продюсера
Ревность волхвов
Ideal жертвы
Золотая дева
Я тебя никогда не забуду
У судьбы другое имя

Сериал «Авантюристка»

Отпуск на тот свет
Все девушки любят бриллианты
Проигравший получает все
Второй раз не воскреснешь
Предмет вождения №1
Оскар за убийную роль
Дата собственной смерти
Парфюмер звонит первым
SPA-чистилище
Вояж с морским дьяволом
Биография smerti
Девушка без Бонда
Три последних дня

Сериал «Спецкор отдела расследований»

Эксклюзивный грех
Рецепт идеальной мечты
Коллекция страхов прет-а-порте
Ледяное сердце не болит
Одноклассники smerti
В Питер вернуться не все
Через время, через океан
Небесный остров
Несвятое семейство

Сериал «Агент секретной службы»

Звезды падают вверх
Пока ангелы спят
Прогулки по краю пропасти
Трансфер на небо
В свободном падении
Она читала по губам
Вспомнить будущее

Сериал «Паша Синичкин, частный детектив»

Заговор небес
Дамы убивают кавалеров
Бойся своих желаний

Сериал «Сага о любви и смерти»

Черно-белый танец
Предпоследний герой
Печальный демон Голливуда

Сборники детективных рассказов:

Любовь считает до трех
Все мужчины любят это
Миллион на три не делится
Плюс-минус вечность
Половина земного пути
Золотой песок времени

АННА И СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

звездный тандем российского детектива

Коллекция
страхов
прет-а-порте

ЭКСМО
Москва
2013

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Л 64

Оформление серии *С. Груздева*

Литвинова А. В.
Л 64 Коллекция страхов прет-а-порте : роман /
Анна и Сергей Литвиновы. — М. : Эксмо,
2013. — 320 с.

ISBN 978-5-699-63977-9

Скромная библиотекарьша Надя уже и думать забыла о юной фотомодели Лере, с которой познакомилась в приемной клиники. А та вдруг позвонила и пригласила на свой показ. Только вместо модных нарядов Надя увидела... труп Лериной подружки Сони. Менеджер девушек Марат коршуном набросился на библиотекарьшу и с ходу обвинил в убийстве ее. Но вскоре сменил гнев на милость, когда выгодному иностранному партнеру понадобилась «клуша» как раз Надиного типа — рекламировать собачий корм. Будущая звезда экрана явилась подписывать договор, но в кабинете Марата обнаружилось только бездыханное тело хозяина. Теперь уже за девушку всерьез взялась милиция. Есть от чего прийти в отчаяние! Вся надежда на помощь Димы Полуянова, друга детства, и не только...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Литвинова А.В., Литвинов С.В., 2013
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-63977-9

ПРОЛОГ

Убийство похоже на шампанское. Ударяет в голову, пенится пузырьками страха. А глаза жертвы — умоляющие, растерянные, жалкие — это закуска. Будто серебряная вазочка с черной икрой. Дополняет вкус дорогого напитка. Перехватываешь последний осмысленный взгляд человека — и в желудке сразу разливается приятное тепло.

Ну, и завершающий штрих — это последние слова умирающей девицы. Они заменяют сигару — ведь так естественно закурить после бокала изысканного шампанского...

— За меня отомстят...

Боже, как скучно.

И вот уже дрожит в последней судороге рот, а крашеные алым ногти в отчаянном броске скребут по кафельному полу.

Братся за пульс не надо — очевидно и так: девчонка мертва.

Красавица, идеал, юные дурочки подражают, мужчины возжелают... Видели бы поклонники ее сейчас. С перекошенным в смертной гримасе лицом, в некрасиво задранной юбке, со слетевшей с ноги бархатной туфелькой.

Убивать оказалось куда вкуснее самой элитной выпивки.

И особенно сладко осознавать, что несносная красавица наконец уничтожена. Растоптана. Усмирена. Утихла навсегда.

Месяцем ранее
Лера Летягина

Ей было чем гордиться.

94—61—90. Вот это параметры! Как в любовных романах, как в самых красивых голливудских фильмах. Девчонки завидуют, папики дежурят с розами, а молодые парни — посвящают стихи.

94 — это грудь. Самое то, что надо, — и пышность на уровне, и размер не такой уж большой, чтобы отвисала.

61, на один сантиметр больше, чем положено по канону, — талия. Впрочем, если совсем-совсем не есть ни мороженого, ни конфет — то можно и от проклятого сантиметра избавиться. Но Лера не избавлялась. Повторяла присказку: «Может же у меня быть хотя бы один недостаток?» Да и представить трудно, как обходиться совсем без сладенького.

Ну, а последние 90 — это бедра. Крутые, соблазнительные. И, спасибо тренажерам и массажистке, крепкие, без единой, как сама Лера говорила, *вялостинки*. («Ребенок ты еще, — вздыхала мама. — До сих пор слова придумываешь, как от двух до пяти...»)

Официально Лера и считалась ребенком — училась в десятом классе.

Но титулов на конкурсах красоты уже собрала немало. Пусть не «Мисс Россия» и даже не «Мисс Москва» — но четыре призовых места и один даже Гран-при, пусть и не в самых престижных конкурсах, тоже чего-то стоят.

Тем более когда тебе только шестнадцать. Многим ли девчонкам ее возраста уже надевали короны и дарили корзины, полные орхидей?

Правда, Лерин менеджер, Марат, говорил так: «Объемы и мордаха — вот и все, что у тебя есть. Но без мозгов — красота ничто, а с серым веществом у тебя, детка, беда, вся сила в сиськи ушла...»

Лера послушно соглашалась — с Маратом так проще. Пусть мнит себя хоть кронпринцем, хоть Эйнштейном — а она и на роль овцы согласна. Потому что какой с парнокопытного спрос? Никто и не сомневается, что овца — животное послушное и команды выполняет безропотно. А насчет мозгов... Менеджер хоть и мнит себя умным, а еще не понял, что сила красивой женщины — в ее умении прикинуться глупой.

Так что пусть Марат командует — до поры до времени. Пока она не выйдет на такой уровень, что сможет сама выбирать себе менеджера. А до тех пор — остается лишь безмятежно улыбаться в ответ на бесконечные Маратовы приказы и придирки.

Хотя в чем-то менеджер, конечно, прав. Грудь, талия и бедра — действительно ее главное богатство. А еще — глаза («цвета осеннего моря», это Марат придумал так во всех анкетах писать). Волосы — черные, как ночь на юге. Точеный нос. Роскошная улыбка. В общем, пока ни одного мужчины не встречалось, чтобы пасть не разинул, как ее увидит. Вот и пусть разевают — лишь бы руками не трогали.

Даже мама — а она к дочери относилась еще строже, чем даже деспот Марат, — и то, бывало, расчувствуется: — И в кого ты у меня такая красивая?..

И действительно — в кого? У папы на всех фотокарточках — нос картошкой и глазки-щелочки. Да и в маме — обаяние-то, конечно, есть, а вот красоты — ни на грамм.

«Вдруг меня из детдома взяли?» — иногда фантазировала Лера. И представляла себе: роскошный особняк

со спуском к воде, вышколенных слуг, дорогие лимузины — и себя, маленькую девочку, как часть шикарного интерьера... Может, и правда — у нее происхождение особое, благородное? А потом — с ее настоящими родителями что-то случилось? Что-то красивое, например, взрыв на яхте или катастрофа частного самолета — и сказочная Лерина жизнь закончилась... Хотя, с другой стороны, если ее кровные родители были такие богачи — как она могла оказаться в русском детдоме, откуда ее обыкновенные советские мама и папа удочерили?

Так что, наверно, нужно школьной биологичке поверить, которая говорит, что генетика — наука непредсказуемая. И самые примитивные хромосомы вдруг перемешались так, что на свет явилась она — будущая, как втайне надеялась Лера, *Мисс Вселенная*.

Но пока до этого титула далеко. «Набирайся опыта», — велит Марат. «Сначала школу закончи», — занудствует мама.

Ох, школа, школа, кому она нужна?! Давно пора принять закон: учеба есть личное дело каждого. Вон, толстой Нинке с ее физией только и остается, что в библиотеке сидеть, — так пусть и сидит. А Мишка Тюкин обожает с колбами возиться, все руки в ожогах, и ему это нравится — и вперед, кто бы возражал. Но зачем других-то заставлять? Заучивать кучу невнятных формул, из которых почему-то следует странный вывод, что гипотенуза короче двух катетов. Или читать Достоевского с его заморочками — то какой-то «Мертвый дом», то этот Раскольников сумасшедший, вот уж действительно: тварь дрожащая...

Но только от школы, увы, никуда не деться. Тут уж и мамочка, и Марат слились в едином порыве. Бывает даже, что после вечерних показов — посипуй-ка по подиуму с восемью до полуночи на высоченных шпильках! — и то заставляют наутро в школу идти. И никакими жалобами их не проймешь — а ведь давно доказано, что, если регулярно не высыпашься, морщины могут пойти...

— Рано тебе пока о морщинах думать, — отмахивается маман.

— Получи аттестат, а дальше — свободна, как птица в полете, — клянется Марат. — Только, может, на актерское мастерство тебя устрою...

Актерское мастерство — это ладно. Наверняка поинтересней, чем химия. Научат небось, как улыбнуться загадочней да ногу на ногу перекинуть поэлегантней.

Хотя манеры у нее и без того, как говорит мама, врожденные. И почему-то добавляет: «Наша порода!» Хотя какая там у них порода? По маминой линии — сплошь парикмахеры, причем не очень хорошие: по крайней мере, Марат категорически запретил, чтобы кто-то из родственников ей волосы подравнивал, — сам возит в дорогие салоны. Ну а папина семья — как в старом советском фильме, рабочая династия. О таких, наверно, поэт Некрасов писал: «До смерти работает, до полусмерти пьет». Отец от них давно ушел, и Лера с ним не видится — но почему-то не сомневается: папаша по-прежнему заливает глаза, буянит, швыряет о стену тарелки с чашками, и очень хорошо, что теперь это происходит уже не на их крошечной кухне.

— А у тебя, Лерочка, впереди большая и интересная жизнь, — вздыхает иногда мама.

Интересная — это можно. А вот *большая*, до старости, морщин и пигментных пятен, — совсем не обязательно. Какой интерес ходить на сохлых ножках и пить таблетки от радикулита? По большому счету, жизнь — она только до тридцати. А потом — все заканчивается. Только и останется, как Клавке Шиффер, родить бэбика и погрязнуть в пеленках. Смертная скучища.

Главное — все до тридцатника успеть. В будущем году — попасть в финал конкурса красоты журнала «Космополитэн», еще через год — в «Мисс Москву», а потом — можно и на заграничный уровень выходить. А пока — доводить себя до совершенства, в чем Лера пощады себе не знает: спортивный клуб, каждый вечер — маска,

то для лица, то для волос, то для тела, а еще — тренировать перед зеркалом чарующие улыбки и поклоны перед воображаемыми зрителями. В общем, расслабляться некогда. Жить надо торопиться, как говорил писатель Лермонтов. А то оглянуться не успеешь — и красота увяла, глаза потухли, менеджеры разбежались... И что тогда? Ни показов тебе, ни кастингов, ни восхитительных перепалок, как недавно они с Сонькой Перепелицыной друг на дружку орала из-за того, кому первой вечернее платье от «Живанши» примерять.

И пусть Марат тогда обозвал их «глупыми коровами» и платье вообще отобрал, отдал задаваке Ленке, — а все равно польза: после ссоры, настоящей, с криками и пощечинами, и глаза горят ярче, и щеки безо всяких румян пунцовеют, им тогда даже сам главный спонсор, надутый, словно бутылка с минералкой, аплодировал.

А скоро в жизни и вовсе сплошные приятности начнутся — ведь в следующем месяце их с Сонькой обеих в Италию посылают. В школе, правда, учебный год на излете и полно всяких итоговых контрольных — но *моделям их уровня* позволено жить по особому графику.

Контракт на десять показов в Милане, для известного дома моды, тоже пробил Марат. Долго ругался, что обошлось ему это дорого. Пришлось якобы и ОВИР подмазывать — чтоб паспорта побыстрее справили, и поручительство итальянцам писать — будто бы лично он гарантирует, что Лера с Сонькой там, в Милане, на панель не пойдут, и даже вроде вносить какой-то депозит как гарантию их нравственности.

— Я за вас поручился, козы, — хмуро предупредил менеджер. — Так что посмейте только загулять. Из своих гонораров штрафы платить будете.

— Да врет он все! И... еще... третирует нас, вот! — шепотом просвещала Леру Сонька. — Наоборот: это итальяшки отвалили ему за нас кучу бабок! И гулять в Милане никто нам не запретит. Там знаешь мужики какие, не чета нашим. В кроссовках сроду никто не ходит. Все, как

один, — мафия, в «Гуччи» с «Армани», и волосы гелем укладывают!

Сонька Перепелицына — девчонка ушлая, о чем ни спроси — все знает. И параметры у нее — почти не хуже, чем у самой Леры. Нос только подкачал, с горбинкой, и Марат каждый месяц с ее заработков по сто долларов вычитает — говорит, что откладывает на пластическую операцию и вроде бы в конце лета, когда показов мало, запрет Соньку в клинику, чтоб ей там шнобель подкорректировали.

Сонька из-за носа стесняется и, даже когда они с Лерой кофе пьют, пытается его рукой прикрыть. Но на подругин шнобель Лере плевать — ее другое раздражает: что вокруг Соньки вечно мужики вьются, все, как на подбор, уродские: с брюшком, залысинами и золотыми перстнями. И подруга не только сама их привечает, но еще и пытается «лишних» Лере подсунуть. Так что приходится разгонять. Не потому, конечно, что мужик — это плохо. Просто уровень Сонька выбирает не тот. Уж учит ее Лера, учит: «Потерпи, Сонька, не трать силы на этих уродов! Мы ж скоро совсем другую планку возьмем!» Но разве подругу уговоришь? Она сегодняшним днем живет. Или не верит, что будущее их обеих ждет самое восхитительное...

Лера поклонение сильного пола, конечно, тоже принимала с удовольствием. Но только — поклонение, ну, или, может быть, скромный поцелуй. Застыла, как смеялась Сонька, на «школьном варианте» — когда посвящают поэмы и пишут на стене противоположного дома о том, что она — самая красивая девушка в мире. Хоть все и считают ее овцой — глупышкой, она-то понимает: *чис-тый* продукт ценится куда выше, чем с брачком. Это как в банке: если у тебя кредитная история идеальная, то и ссуду дадут, и любые гарантии. И *купают* в свое время за огромные деньги. А если про тебя, как про Соньку, всем известно, про миллион твоих убогих золотоперстных

папиков, то кому ты нужна, кроме очередного старого да лысого?

И пусть Лере пока не дарили ни шуб, ни золотых колечек, пусть не возили на «Мерседесах» — она не жалела. Скучно, конечно, вечерами с мамашкой перед телевизором сидеть, но есть в ее воздержании и плюсы. Во-первых, никто тобой не командует. А во-вторых — бояться нечего. Ни того, что мужик твой с левой ноги встанет и фингал накануне важного показа организует, ни даже более прозаических вещей. Вон, перед поездкой в Италию надо медосмотр пройти — так Сонька вся извелась. Трясется, что заставят кровь сдавать и врачи в ее анализах найдут какую-нибудь дрянь, из тех, что мужики перетаскивают. А Лере — бояться нечего. Максимум, что доктора обнаружат, — повышенный гемоглобин, потому что она для цвета лица много гранатов ест.

— Скучная ты, Лерка, — морщится Соня.

Может, и скучная. Зато она готова к тому, что ее жизнь будет идти только по восходящей. И что приятных и волнующих событий в ней с каждым днем станет происходить все больше и больше.

Дмитрий Полуянов

Пирожки в редакционном буфете — высший класс. На всю Москву лучше только в историко-архивной библиотеке, где Надька Митрофанова работает. Он набрал целую гору: и с грибами, и с капустой, и с курагой, и с маком. Поставил тарелку на стол, а сам за кофе пошел. Кипяток в заведении посетители наливали собственноручно, из пятиведерного самовара, причем в граненые стаканы. Буфет редакции «Молодежных вестей» являл собой чудом сохранившийся заповедник советскости — однако советскости не нарочитой (как в «Петровиче» или петербургской «Пропаганде»), а самой что ни на есть натуральной.

— Я тему придумал, — сказал Полуянов, подсаживаясь к столику. — Могу подарить.

— Н-ну? — кокетливо пропела юная Кирочка, которую Дима сегодня выманил на обед.

— Составить рейтинг московских пирожков.

Кирочка немедленно задумалась, долго морщила лобик и, наконец, изрекла:

— Пи-ирожки-и?.. Интересно, конечно, но это не по нашему отделу. Я ведь все-таки не ресторанами занимаюсь, а светской жизнью.

— Как это не по вашему?! — с горячностью возразил Дима. И начал на ходу фантазировать: — Шире, Кирочка, надо мыслить. Можно знаешь какую кампанию именно про светскую жизнь забабахать? Допустим, сегодня ты идешь в гости к Маше Мироновой. Она угощает тебя собственноручными пирожками, попутно дает тебе интервью, а под конец вызывает на кулинарное состязание еще одну светскую героиню. Ну, например, Ольгу Поздкову. Назавтра ты идешь к Поздковой, та тоже тебя кормит — а потом передает «пирожковую» эстафету Мордюковой... И — полетели! Все выше и выше, до самой Пугачевой, а то и до жены Путина. А?! Каково?

Кирочка насупилась. Кажется, она всерьез обдумывала сделанное в порядке бреда полуяновское предложение. Наконец сказала:

— Да наши звезды все равно никаких пирожков не пекут. Им домработницы готовят.

— Ну, как хочешь, — легко согласился Дима. Он уже сжевал пару пирогов, а Кирочка только булочку с маком общипала. — Да ты ешь, давай, ешь! А то сил на светскую жизнь не останется.

— Что ж, могу. Проблемы с фигурой мне пока не грозят, — с важностью проговорила юная корреспондентша и откусила добрый кусок от булочки.

Полуянов, прищурясь, поглядел на нее через стол. Ведь дура душой, даже странно, что такую толоконную

деваху в известную газету взяли, и далеко не красавица, и одевается никак — а все равно при взгляде на нее Дима ощущал приятное щекотание внизу живота. Хотелось ему эту Кирочку немедленно завести куда-нибудь в темный угол, и... Магнетизм какой-то.

— Давай, Кирюшка, мы с тобой куда-нибудь сегодня ходим? А то что мы все в буфете да в буфете, — послал пробный шар Дима. — Попьем пивка, я тебе других разных тем напридумываю. Поучу секретам журналистского мастерства...

Последнее предложение прозвучало сугубо двусмысленно.

Кирочка изучающе посмотрела на Полуянова. Загадочно улыбнулась. Соблазнительно облизнула с губ крошки. Но все-таки сказала:

— Сегодня я не могу. Меня редактор на премьеру «Авантюристки» гонит.

Странно, но когда Кирочка «ушла в кусты», Полуянов испытал не разочарование, а облегчение. «Ну, и слава богу. Проблем меньше. Так, на самом деле, уже надоело — сначала нужно распушить перья, затем напавание объекта, уговаривание, потом — при наиболее благоприятном раскладе — возня в постели. И непосредственно после секса, а особенно наутро — разочарование и оттенок стыда, той или иной густоты...»

«Что это со мной? — спохватился Дима. — Старею, что ли?»

— Эх, жаль, что ты занята, — вздохнул он вслух. — А то ведь могла доброе дело сделать. Человека спасти.

Он послал Кирочке загадочный взгляд и закончил:

— Я ведь, к сожалению, тяжело болен.

— Чем?! — испугалась девушка.

— У меня, видишь ли, мидл-лайф-крайзис.

— Как?

— Не волнуйся, это, конечно, болезнь — да не совсем.

Ни воздушно-капельным, ни даже половым путем не

передается. У меня — душевное страдание. Называется «кризис середины жизни». Мне ведь скоро тридцать, знаешь ли...

— Ну и что, что тридцать? Не семьдесят же!

— Как — ну и что? Как — ну и что? Все самое интересное уже позади, и старость не за горами...

— Старость у всех не за горами, — вздохнула двадцатилетняя Кирочка. — И у меня тоже.

— Ну, я, во-первых, старше тебя на целое поколение, ты еще в детский сад ходила, когда я уже Сартра читал, — начал разливаться Полуянов. — А во-вторых, земную жизнь пройдя до половины и осмысляя пройденный путь, начинаешь задумываться.

— О чем?

— О тщетности жизни вообще и собственных усилий в частности.

— Ой, Дим, о чем ты говоришь! Это у тебя-то — тщетность?! Ты ведь такая звезда! Сенсации одну за одной выдаешь. У тебя даже книги выходили!

— А что толку, — вздохнул Дима.

«Байроновский тон иногда удивительно воздействует на девушек. И многие из них обожают протягивать руку помощи, спасать, вдохновлять на подвиги. Иначе как объяснить, что девицы в таких безразмерных количествах сохнут по разным алкашам, наркошам и психам? Может, и Кирочка из породы жалостливых? Из «спасательниц»?»

— Сегодня — сенсация, — чайльдгарольдовски изрек Дима, — завтра — «гвоздь», а жизнь-то проходит...

Хоть и не всерьез произносил он свои сентенции, а чтоб на девушку впечатление произвести, все равно мысли, которыми он сейчас, в полушутейном разговоре, делился с Кирочкой, ему невольно в голову закрадывались — и с каждым днем все чаще. Особенно по ночам.

Дима вспомнил, как он сделал свой «гвоздь» — когда они с Татьяной Садовниковой в переделку на рейсе два-